

5. Трансгуманизм: Новая ступень эволюции или конец человечества. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/it-grad/blog/310634/> (дата обращения: 12.04.2021).

6. Трансгуманизм: как мы изменимся, когда сольемся с ИИ и технологиями [Электронный ресурс]. URL: <https://brodude.ru/transgumanizm-kak-my-izmenimsya-kogda-solemsya-s-ii-i-tehnologiyami/> (дата обращения: 12.04.2021).

7. Трансгуманизм [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/49247/> (дата обращения: 12.04.2021).

И.А. Гапаров

ПОНЯТИЕ ПОЛЬЗЫ В ТЕХНИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ⁸

(Самарский университет)

Один из значимых вопросов в философии техники связан с понятием пользы. Зачастую он понимается неправильно. Представители технических дисциплин стремятся подвести пользу под технику или представить ситуацию, при которой взаимодополнение терминов подменяется их отождествлением. Формулировки, созвучные духу пользы техники, искажают сущность понятий «польза» и «техника». Для недопущения таких ошибок, необходимо прояснить контекст, в который они вписываются, и условия их применимости.

Предпочтительно начать с уточнения и анализа понятия «техника» в силу происхождения, уходящего в глубь древности. Понимаемое в качестве умения, мастерства, искусства понятие техники призвано было к охвату разнообразных отраслей практической деятельности, направленных во благо существования человечества. И только древнегреческое мировоззрение, поддавшись установке созерцательного и интеллектуального постижения сущего, проигнорировало всю мощь технических приемов и навыков, придав им прикладной характер. Систематические размышления о технике выступали вердиктом оправдания рабского образа жизни. Поэтому исследователю настойчиво рекомендовалось заниматься интеллектуальной деятельностью, связанной с постижением космоса, восторжением взаимосвязями природы, выявлением закономерностей, лежащих в основе явлений. Античный универсум представлял абсолютное совершенство, человек выступал его отражением. Ни о каких изменениях не могло быть речи.

Спустя столетия, на смену античной картине мира пришла средневековая, положившая в свое основание дихотомию двух миров (града земного и града небесного), человека как личность. Возрождение эмансипировало его из под уз религии и природы. Стало понятно, что гармония между космосом и личностью невозможна. Конец эпохи был ознаменован капитализмом, который настолько изменил человеческую сущность, что образ добродетельного гражданина Афин

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00462 А

теперь не мог быть совмещен с практическим субъектом эпохи Нового времени. Ведь став творцом своей судьбы, человек приобрел мощь адаптировать условия сущего под нужды. Он стал стремиться к комфорту в большей мере, чем это было в те времена, когда он был непосредственно связан с семьей, религией и т.д.. Техника явилась тем основанием, которое позволило приручить природу, сделать её действия более предсказуемыми. Но чем дальше человек уходил от своей естественной сущности, тем больше нужно было технических средств для поддержания жизнеобеспечения.

Здесь нужно обратить внимание на прагматическую сторону техники, которая, начиная с эпохи Нового времени, приобрела новое качество – средства, направленного на реализацию целей. Такой подход к технике возник неспроста. Дело в том, что в Античности слабо была развита сфера потребностей, мотивов, предрасположенностей, но в эпоху Нового времени человек настолько вырос в своих нуждах, что вопрос о критериях удовлетворенности жизнью стал одним из определяющих. Разрыв между желаемым и сущим привел к тому, что начали возникать направления, стремившиеся разрешить проблему несчастья через привлечение наличных технических приемов и средств на службу человеку. Стремление выявить механизмы, лежащие в основании жизни и управляющие человеческим поведением, привели исследователей экономических и утилитаристских направлений к компромиссу, видевшийся для них в понятии «польза». Но то, что они понимали под сущностью понятия пользы, никак не соотносилось с техникой, приходило в противоречие. Проблема заключалась в том, что положения экономистов и утилитаристов были слишком рациональны, не были применимы к действительности, о чем неоднократно подчеркивалось в самом принципе полезности, «который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью» [2, с. 9]. С учетом всех преимуществ И. Бентам прояснил недостатки данного принципа, дополнив их положением, что понятие пользы – это «то свойство предмета, благодаря которому он может приносить добро, счастье, выгоду и предупреждать зло, страдание и вред» [2, с. 10]. И. Бентам представил следующие разновидности значений этого понятия: «социальное» (состояние общества, при котором сумма удовольствий превышает страдания); «функциональное» (соразмерность цели средствам).

Разграничение значений, произведенное благодаря И. Бентаму, позволило осмысленно отнестись к пользе как к «свойству», а к технике как к «носителю». Если первая представляла «потенцию», понимаемую как «способность вещи быть не тем, что она есть, в категории субстанции, качества, количества, места, т.е. способность осуществлять соответственно движение или процесс» [1, с. 283], то под второй виделось нечто материальное, содержащее «возможность возникновения в себе» [1, с. 289]. Утилитаристам XX вв. стало понятно, что извлекать представления о сущности понятия пользы в чистом виде без связи с носителем невозможно, т.к. искажается ее значение. Для того, чтобы сохранить

различие значений, необходим был особый подход к определению терминов, который предложили основатели философии техники П.К. Энгельмейер и Ф. Дессауэр.

Отец советской инженерии П.К. Энгельмейер начинает мыслительную деятельность с того, что пытается найти критерии по разграничению различных созданий человеческого ума. Сам факт наличия изобретений говорит о том, что люди стремятся к изменению условий своей жизни через творчество, создание того, что могло бы послужить «хорошим» средством для ближайших целей, повысить эффективность производства, принести человеку определенную долю счастья, под которым П.К. Энгельмейер понимал соразмерность «практической цены» идеи изобретения с «возможностью ее осуществления». Проще говоря, человек счастлив тогда, когда он занят делом, направленным на реализацию общественного благополучия. Что же лежит в его основании? Техника и польза. Поднимая вопрос о способе определения понятия техники, П.К. Энгельмейер приходит к логическому кругу. Ведь техника – это «искусство, направленное на пользу» [5, с. 30]. Тогда Энгельмейер стремится прояснить устройство понятия пользы. Под ним он видит то, что «облегчает достижение назначенной цели» [5, с. 30], является функцией и целью техники. Такое разграничение приводит П.К. Энгельмейера к пониманию функциональной составляющей пользы, связанной с феноменом творчества, где его интересует не общество, а составные механизмы, лежащие в его основании и делающие существование возможным. Под ними понимаются культурный опыт (рутина) и новшество (изобретение). Как правило, взаимоотношения между ними напряженные. Конфликт возникает в силу относительной неспособности изобретения найти сферу применения, т.е. встроиться в социальную реальность. Об этом свидетельствует первоначальная версия велосипеда, которая была не способна в полной мере выполнять задачу перевозки пассажира. На этом размышления об изобретении можно было прекратить, если бы не то, что техника как одушевленный организм имеет жизнь, благодаря чему способна развиваться. В противном случае она не обладала бы никаким значением и была бесполезна. Перенимая основные положения органицизма Г. Спенсера, П.К. Энгельмейер приходит к тому умозаключению, что исходным основанием, придающим жизнь изобретению в обществе и встраивающим его в культурный опыт, является понятие пользы. Выступая в качестве критерия соответствия социальной действительности, оно проверяет на целесообразность и своевременность новшество и предоставляет ему возможность встроиться в общество таким образом, при котором оно будет обладать признаками, каковых не было у предшествующих «нововведений».

Такой подход, будучи полным отражением системы движения Мирового Духа Гегеля и феноменологии Гуссерля, стал определяющим для последующих представителей философии техники. Разграничение значений понятий «польза» и «техника» теперь велось в русле субъект-объектных отношений, при которых польза мыслилась в качестве свойства духовной субстанции, направленной на преодоление ограниченности и достижение высших уровней бытия, а техника выступала как гарантия, что этот принцип будет реализован на практике [4]. С

рядом прояснений, он был воспринят и принят на вооружение Ф. Дессауэром. Однако в отличие от П.К. Энгельмейера, ещё мыслившего в утилитаристских категориях, Ф. Дессауэр подошел к прояснению значений понятий «польза» и «техника» метафизически. Этот подход преследовал несколько целей. Первая заключалась в обнаружении внутренних противоречий внутри данных понятий, вторая – в их общих чертах, а третья – в синкретизме. Для реализации наиболее сложной из целей, Ф. Дессауэр прибегает к философии Платона, и в этом смысле, будучи ещё под влиянием концепции трехакта П.К. Энгельмейера, делает её историческим наследием, каждое из которых закрепляет за человеком определенную роль. Человек предстает как «*homo investigator*», «*homo inventor*» и «*homo faber*» [3]. Представления о технике зарождаются благодаря взаимному переплетению троих составляющих под названием вида «*Homo Sapiens sapiens*» как «*homo creator*». Под техникой понимается то, что вырывает человека из-под уз природы, помогает побороть вредное, препятствующее жизни и поддержать полезное. Наглядно представлено, что человек усилиями покидает девственную природу для её последующего преобразования, что возможно только через мыслительный принцип пользы. В отличие от животного, сущность которого немыслима вне законов феноменального мира, способ существования человека определяется им самостоятельно через руководство финальными причинными связями. Этот предсказательный дар, свойственный человеку как способность охватывать взором сущность вещей, влияет на то, чтобы подгонять природные связи под свои цели, запечатлевать их определенной форме задач и претворять на практике. Подобная умозрительная конструкция становится эффективной. Она позволяет прояснить сущность как пользы (соразмерности целей и задач), так техники (объективация данной соразмерности в сфере «праксиса»). Тогда справедливо возникает вопрос относительно предуготовленности форм, на что Ф. Дессауэр отвечает, что «все технические объекты, которые были изобретены, до этого не существовали, до этого не наличествовали <...>. Но «чтойность», так-бытие объектов, например, микроскопа уже была в космосе, – иначе он не смог бы оказаться изобретенным» [3, с. 90]. Различение значений понятий, производимое установкой извлечения идей из интраментального пространства с последующим переносом в действительность, становится исходным звеном для прояснения общих черт, свойственных понятиям «польза» и «техника». Под ними Ф. Дессауэр понимает: 1) «цель» как образ действительного мира, в котором человеческие потребности удовлетворены; 2) «задача» как то, посредством чего достигаются цели. Цель – производная человеческого ума («идеальна»), а задача – форма закономерности природы («реальна»). Исходя из прояснения онтологических составляющих, определяющих сущность пользы и техники, Дессауэр приходит к синкретизму, заключенному в техническом объекте, т.е. в изобретении, где напряженность между техникой и пользой снимается в угоду посредственности, запечатленной в вещественной форме.

Таким образом, разграничение понятий пользы и техники представляется возможным через подход представителей философии техники на основании

проблемы сущностной ограниченности бытия человека. Принцип полезности призван устранить в духовном, а техника – в физическом измерении.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. – СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. – 826 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: РОССПЭН, 1998. – 415 с.
3. Дессауэр Ф. Спор о технике. – Самара, 2017. – 266 с.
4. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара, 2017. – С.90-135.
5. Энгельмейер П.К. Теория творчества. – М.: Либроком, 2010. – 208 с.

И.В. Демин

«СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В. (Б.Н. ЧИЧЕРИН И П.И. НОВГОРОДЦЕВ)⁹

(Самарский университет)

На рубеже XIX-XX вв. «социальный вопрос» в России понимался главным образом как «вопрос преобразования общественного строя в интересах тех классов, которые принимают главное участие в создании национального богатства»¹⁰. Широкие общественные дискуссии разворачивались вокруг двух вариантов его решения, которые соответствовали двум основным проектам переустройства общественной жизни России – *революционному* и *реформистскому*. В рамках революционно-социалистического проекта причины бедственного положения рабочих и «низших классов» усматривались в самом общественном строе, основанном на принципе частной собственности, а решение «социального вопроса» связывалось с насильственной реорганизацией этого строя. В рамках же проекта реформистского социальные недуги объяснялись частными несовершенствами строя, которые могут быть исправлены без подрыва его основ.

В рамках реформистского проекта в русской политической и философско-правовой мысли на рубеже XIX – XX вв. наметилось размежевание двух идейных направлений – *либерального консерватизма*, нашедшего наиболее последовательное выражение в трудах Б.Н. Чичерина, и *социального либерализма*, ключевые положения которого были сформулированы в работах П.И. Новгородцева и ряда других теоретиков¹¹.

⁹ Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

¹⁰ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Том XXXI (61). СПб., 1900. С. 72.

¹¹ См.: Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. 1906. № 85. С. 469-507; Покровский И. А. Право на существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П. И. Новгородцева и И. А. Покровского. СПб.; М., 1911. С. 17-48.